

23 МАЯ 1909 г.

ц. 10 к

II ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ВЪ Москвѣ и провинціи 12 коп.

САТИРИКОНЪ

1909

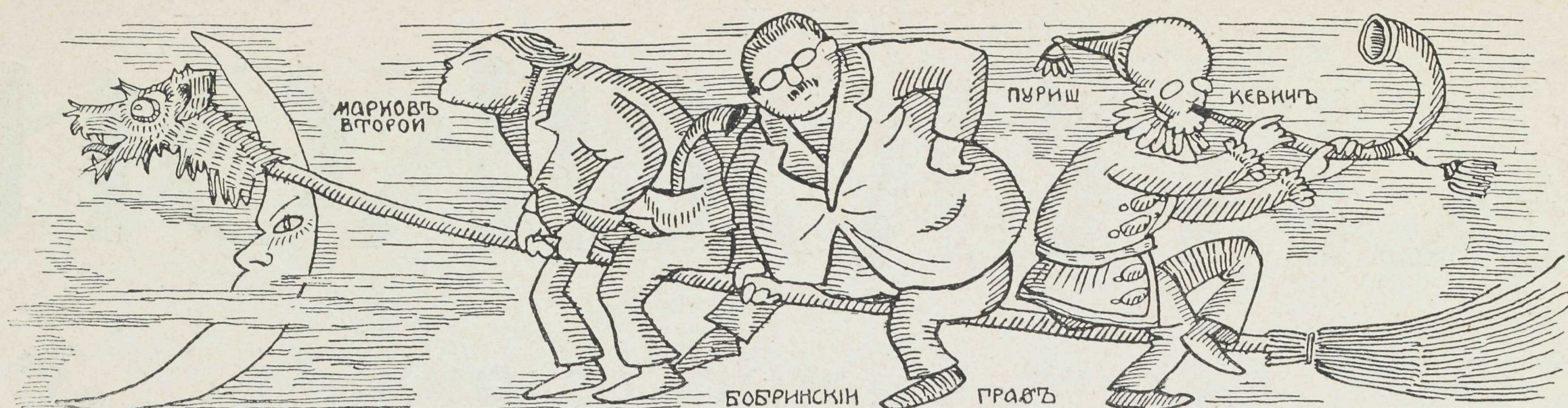
еженедѣльное изданіе

№ 21

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:
На годъ . . . 6 руб., на полгода . . . 3 руб., на 3 мѣсяца . . . 1 руб. 50 коп.
Контора и Редакція САТИРИКОНА, Спб. Невскій, № 9. Телефонъ № 241-29.

Правительство и государство неуклонно будутъ стоять на стражѣ народного представительства, защищая Думу отъ безсильныхъ покушеній чернаго воронья. (Изъ ... интервью).

ДЯДЯ ДЖОНЪ.

(Англійская пѣсня).

Были псы у эшафота
 По ночамъ,
 Каждый день была работа
 Палачамъ.
 Сила черная будила
 Мертвецовъ,
 Въ полночь много ихъ бродило
 Безъ головъ.
 Не луна ползла въ туманѣ—
 Красный змѣй.
 Жались въ страхѣ горожане
 У дверей.
 Пѣли пѣсни лишь въ трактирѣ
 «Трехъ воронъ»,
 Пилъ въ коронѣ и порфирѣ
 Дядя Джонъ.
 Дядю Джона величали
 Королемъ,
 Съ ногъ валялись и лежали
 Подъ столомъ.
 Старый Джонъ всѣхъ пьяницъ въ спорѣ
 Одолѣлъ,
 Никогда, хотъ вышьетъ море,
 Не пьянѣлъ.
 Джонъ любилъ свою работу,
 Мечъ и плеть,
 Шелъ на площадь къ эшафоту
 Посмотрѣть,
 Чьи отвергнула останки
 Мать-земля.
 Узнавалъ онъ по осанкѣ
 Короля.
 Джонъ отвѣшивалъ поклоны
 И плясалъ.
 — Гдѣ жъ, король мой, ты корону
 Потерялъ?
 Гордо мимо безголовый
 Проходилъ,
 Вѣтеръ въ небѣ вилъ покровы,
 Свѣтъ гасилъ.
 Злой тоскѣ, кровавымъ думамъ
 Обреченъ,
 Шелъ назадъ съ лицомъ угрюмымъ
 Дядя Джонъ.

Александръ Рославлевъ.

«ВЪХИ».

Петръ Бернгардовичъ Струве шагаль по своему кабинету и, довольный, потираль руки.

— Ага! Держись теперь гнилая интеллигенція! Здорово мы ей накостыляли своими „Вѣхами“. Пусть знаютъ! Я увѣренъ, что успѣхъ книжонки обезпеченъ. Агафья!!

— Издѣсь, баринъ.

— Агафья! Что, Агафья, никто изъ интеллигенціи не заѣзжалъ благодарить за правдивое слово въ „Вѣхахъ“?

— Чивойто? Угольщикъ, кажись, былъ, опять же молочница съ черного ходу...

— Пошла вонъ, дура. Гм... да... Я увѣренъ, что отзовутся сочувственно писатели, артисты... Агафья! Что— Леонидъ Андреевъ не заѣзжалъ? Нѣтъ? Стррранно! И Чирикова не было? И Станиславскаго?

— Никакъ нѣтъ.

— Неужели, не прочли?.. А скажи, англичанинъ, можетъ, такой... бритый заѣзжалъ?.. Не говорилъ ли онъ, что вотъ, молъ, Гордонъ Крэгъ хочеть пожать твоему барину руку за интеллигенцію.

— Бритый? Насчетъ руки? Нѣтъ, не было.

— А писемъ не было?

— Есть письмо. Да вотъ оно, вишь ты, лежитъ.

Струве лихорадочно распечаталъ письмо и взглянулъ на подпись.

— Антоній Волинскій! Извѣстный черносотенецъ... Ого! Разносить, вѣроятно. Что это?

Струве поблѣднѣлъ и покачнулся.

— Хвалить! Благодарить... Стррранно! За что бы это онъ могъ насъ хвалить?.. Агафья! Что, Милюковъ не заѣзжалъ?

— Сидитъ какой-то въ передней...

— Ага! Зови его, зови!

Неизвѣстный вошелъ, сѣлъ противъ Струве и подмигнулъ ему:

— Гы-гы-гы! Молодца!

— Что вамъ угодно?

— Ловко этто ты ихъ, Пѣтра! Расчесалъ!

— Кто вы такой?

— Тимошкины мы. Депутаты.

Онъ покачалъ головой и захохоталъ:

— Го-го-го! Можно сказать, въ хвостъ и гриву!

— Не можете ли вы сообщить мнѣ, что вамъ угодно?

— Мнѣ-то?

Тимошкинъ приложилъ палецъ къ носу и, привставши немного, съ глупой таинственностью шепнулъ:

— „Вѣхи“ твои читалъ. Усладительная книжонка. Многого не понялъ, но, одначе, кое-что мозгомъ выдавилъ. А Гершензонъ-то, Гершензонъ!.. Смѣхотушка! Фамилія жидовская, а туда же... Ндасъ... Понимаемъ-съ.

— Что вы понимаете?

Тимошкинъ сочувственно кивнулъ головой.

— Не безъ понятія-съ. Вамъ, конечно, спервоначалу трудновато будетъ, но потомъ, такъ сказать, обойдетесь. Обтерпится-съ. Хе-хе.

— Что такое? Что обтерпится?

— Какъ же-съ. Тюрьмы одобряете, ссылки-съ. Сразу-то трудновато настоящее слово сказать, вотъ вы и ходите около.

— Господи... какое слово!
Тимошкинъ приподнялся и шопотомъ сказалъ:
— Бить?
— Ахъ ты, Боже мой!.. Агафья, Агафья! Проводи ихъ. Ступайте, господинъ, съ Богомъ.
Плутовски качая головой и вѣжливо усмѣхаясь, Тимошкинъ ушелъ.
— Агафья! Что—Гессенъ не заѣзжалъ?
— Какой Гессенъ?
— Все равно—Юсифъ или Владиміръ... Можетъ быть, Петрункевичъ заѣзжалъ? Или Мережковский?
— Пришелъ чичась какой-то.
— Проси, конечно, проси.
Вошелъ полный мужчина въ черныхъ очкахъ.
— Имѣю честь представиться! Докторъ..
— Мечниковъ?—радостно подхватилъ Струве.
— Нѣтъ-съ. Дубровинъ. Хе-хе... А вы—плутъ преестественный... Сколько времени прикидывались такимъ, сякимъ, а о настоящемъ-то вы все время молчали. Шли бы къ намъ сразу. Компанія у насъ хорошая: Буксгевденъ баронъ, господинъ Майковъ—папенька ихъ тоже стишки писали, Барановъ, рыбникъ... Все публика правильная!
— Что вамъ нужно?
— Прочелъ я книжечку... „Вѣхи“—съ. Самъ-то я, знаете, ничего теперь не читаю, отяжелѣлъ, да посоветовали мнѣ. Марковъ 2-й, изволите знать? Прочти, говоритъ, Саша. Прочелъ! Ну-ну... Закрутили.
— Что закрутили?
— Прекрасный путь. Вы ихъ, такъ сказать, словесно разносите, а мы дѣловую часть бы на себя взяли. Мы-то, признаться, уже одного такого интеллигента усахарили въ Финляндіи. Изволили слышать?
— Усахарили? Что такое? Я, простите, не понимаю... Какое это имѣетъ отношеніе?..
— Ну-ну, полноте скромничать. Вы думаете, мы не поняли, почему вы книжку назвали „Вѣхи“?..
— Какъ почему?.. „Вѣхи“—палки, указующія путь...
— Ага, да... палки. Хо-хо-хо! Понимаемъ-съ, какія палки. А наверху перекладина-съ, а на перекладинѣ верев...
— Агафья!
— Ну, да ладно, ухожу. Ишь ты, какъ вы сомлѣли. Извѣстно, съ непривычки... Ничего! Дальше легче пойдетъ!.. Прощайте. Обѣщаль къ вамъ дядя Шпыняй зайти. „Кланяйся, говоритъ, и скажи, что буду. Лично, говоритъ, познакомится и ручку пожать лестно“. Хе-хе.

Струве дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.
— Агафья!—истерически закричалъ онъ.—Если кто изъ поклонниковъ придетъ—не пускай. Запри двери!
А въ запертую дверь уже кто-то ломился и слышался хриплый голосъ:
— Нѣтъ, ты коли нашъ, такъ впусти! Мнѣ, братъ, многого не надо... Дашь на полбутылки съ закуской, такъ я любому интеллигенту морду разобью. Пѣтра, а Пѣтра!.. Пусти, чтобъ тебѣ лопнуть!

Өма Опискинъ.

ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНЫЙ «ТОВАРИЩЪ».

За 1½ часа до Москвы студентъ будить коллегу армянина, который храпитъ на верхней койкѣ:
— Товарищъ, вставайте! Москва близко.
Армянинъ просыпается, оглядываетъ вагонъ и категорически отвѣчаетъ:
— Принципіально ны могу!
— Почему?!
— Бальшинство спытъ!—сердито возражаетъ армянинъ и засыпаетъ.

Иванъ Чижикъ.

НОВАЯ ПЬЕСА.

— Поразительно! Какимъ образомъ вамъ удалось написать такую оригинальную пьесу?
— Видите ли: это очень сложная комбинація. Я перевелъ новую пьесу Шницлера съ нѣмецкаго на французскій, попросилъ жену перевести ее затѣмъ на англійскій, свояченица перевела ее съ англійскаго на датскій, А. Ганзенъ, по моему порученію, перевелъ ее съ датскаго на свой, а я ужъ съ его рукописи—на русскій. Такъ и получилась.

Осипъ Дым—ъ.

ОГУРЕЦЪ.

Одинъ разъ Огурецъ надѣлъ цилиндръ и пошелъ гулять на бульваръ.
Такой франтъ!
Проходятъ барыни и говорятъ:
— Сейчасъ видно—отставной военный.
Директоръ гимназіи прошелъ, похвалилъ.
— За поведеніе пять съ плюсомъ.
Купецъ говоритъ:
— Ишь ты! Я бы его кассиромъ назначилъ!
Монахъ говоритъ:
— Ему бы архіереемъ быть.
Потомъ жуликъ повстрѣчался.
— Нашего, — говоритъ, — полку прибыло. Сейчасъ видно: изъ молодыхъ да ранній.
А Огурецъ идетъ себѣ—фу-ты, ну-ты!
Вдругъ ему пьяный навстрѣчу. Да какъ заоретъ:
— Ого-го-го! Недурственно. Дѣло-то, я вижу, въ шляпѣ.
Стащилъ съ Огурца цилиндръ.
Видитъ: Огурецъ малосольный. Съѣлъ его.

Георгій Чулковъ.

СИЛА ПРИВЫЧКИ.

Стессель (выходя изъ Петропавловской крѣпости).
— Эй, молодой человекъ! Не желаете-ли—могу сдать—превосходная крѣпость!?

Мавръ сдѣлалъ свое дѣло, и...

Мавръ можетъ уходить.

ЗАГАДКА ПРИРОДЫ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Всякій, кому довелось читать мои произведенія, замѣтилъ, что всѣ они проникнуты теплымъ, яркимъ свѣтомъ недюжиннаго таланта и оригинальности. Я не помню ни одного своего разсказа, который не вызвалъ бы массы толковъ и восторженныхъ похвалъ. Напримѣръ, вчера: заходить ко мнѣ пріятель, съ цѣлью перехватить кое-что „до слѣдующей среды“. Получивъ деньги, онъ положилъ ихъ въ карманъ, похлопалъ меня по плечу и дружески сказалъ:

— Читалъ я на-дняхъ твою штучку... Ничего!

Да всего и не упомнишь!

Читатель, обыкновенно, замѣчаетъ хорошія стороны писателя только тогда, когда поднесешь ихъ ему подъ самый носъ. Исходя изъ этого, я долженъ обратить вниманіе читателя на то, что во мнѣ нѣтъ и въ поминѣ тривіальности и пошлости другихъ жалкихъ писакъ. Напримѣръ, въ нижеслѣдующемъ разсказѣ я пишу о такихъ невѣроятныхъ вещахъ, что всякій здравомыслящій чителъ ни крошки не повѣритъ, что это правда... Зная объ этомъ, мои презрѣнные коллеги прибѣгаютъ въ такихъ случаяхъ къ невѣроятно пошлomu и навязшему въ зубахъ приему: они разглагольствуютъ о самыхъ небывалыхъ, невозможныхъ вещахъ въ продолженіи всей повѣсти, а въ самомъ концѣ вскользь упоминаютъ объ очевидцѣ разсказанной ими чепухи:

— Но тутъ онъ... проснулся!

Подумаешь, будто читатель безъ этого—повѣрилъ бы всѣмъ выдуманнѣмъ ими нелѣпостямъ. И авторъ, полагающій что онъ—крайне хитрый, себѣ на умѣ челоуѣкъ, въ тысячный разъ ставитъ между „но тутъ онъ“ и „проснулся“ многоточіе. Онъ увѣренъ, что читатель, прочтя „но тутъ онъ“, все еще будетъ думать обо всемъ разсказанномъ, какъ о голой правдѣ, и слово „проснулся“ застанетъ его врасплохъ,—изумленнымъ и неподготовленнымъ къ ошеломляющему разоблаченію автора.

Совсѣмъ не такъ поступаю я.

Нижеслѣдующее покажется читателю неслыханнымъ, страннымъ и необъяснимымъ, но я утверждаю, что *все это было*, и малѣйшій признакъ недоуверія къ разсказанному глубоко уязвитъ мою чуткую, впечатлительную душу.

Глубокой ночью сидѣлъ я въ своемъ тихомъ, уютномъ кабинетѣ и писалъ для оккультнаго журнала статью о загробной жизни.

Фактовъ о загробной жизни у меня было столько же, сколько у любой торговли апельсинами, и это не мало огорчало меня.

Приходилось фантазировать, что вовсе мнѣ не по душѣ...

Написавъ нѣсколько строкъ о томъ, что души покойниковъ послѣ смерти переселяются на верхушки стоящихъ около могилъ деревьевъ, занимаясь потомъ, при появленіи живыхъ родственниковъ, печальнымъ киваніемъ этими верхушками, я недоуверчиво пожалъ плечами и задумался.

— Вотъ,—говорилъ я самъ себѣ,—за моей спиной въ глубинѣ кабинета виситъ женскій скелетъ, подаренный мнѣ пріятелемъ... И этотъ нелѣпый, никому не нужный костякъ знаетъ о загробной жизни въ сто разъ больше меня, живого челоуѣка и царя природы... Я не пожалѣлъ бы остатка своей жизни за то, чтобы эта женщина открыла свои костлявыя уста и приподняла хотя маленькій краешекъ таинственной завѣсы загробной жизни...

Сзади послышался глухой вздохъ.

Я вздрогнулъ и насторожился.

— Ахъ! гдѣ я?—заскрипѣло что-то въ глубинѣ кабинета.—Какой это идиотъ осмѣлился меня повѣсить?

Я вскочилъ съ глазами, готовыми отъ ужаса выпрыгнуть, и обернулся къ скелету. Обладательница его пошевелила рукой и приняла стыдливую позу Венеры, выходящей изъ воды. Я не могъ отвести отъ нея испуганныхъ глазъ и стоялъ безъ единого звука, а она, наклонивши черепъ, застѣнчиво сказала:

— Ахъ! Не смотрите такъ на меня!

— Какъ—такъ?—машинально спросилъ я.

— Такъ... Всѣ вы, мужчины, одинаковы. Вы, кажется, забыли, что я не одѣта. Ну, чего же вы стали, какъ столбъ? Пошевелитесь! Принесите скорѣе мнѣ какую-нибудь простыню, да отцѣпите отъ этого проклятаго гвоздя. Только не смотрите на меня, пока я не одѣнусь. У-у... Шалунъ.

Она погрозила мнѣ костяшкой пальца и закуталась въ поданное мною одѣяло. Я снялъ ее съ гвоздя, причеиъ замѣтилъ, что она прижалась къ моему плечу больше, чѣмъ это было нужно.

— Боже!—сказала она, запахиваясь въ одѣяло.—Я одна, въ глухую полночь, въ кабинетѣ молодого мужчины... Надѣюсь, вы не употребите во зло мое безвыходное положеніе?

— Помилуйте, сударыня,—возразилъ я, незамѣтно отодвинувшись отъ нея.—Какъ вы могли подумать...

— Да, да... знаю я васъ! Всѣ вы сначала говорите одно и то же...

Оглядѣвшись, она взяла со стола скомканную бумажку, потеряла ее о рыхлую землю цвѣточнаго горшка и стала пудрить свои бѣлыя костяныя скулы.

— Не смотрите на меня такъ! Я всегда чернѣю отъ смущенія, когда мужчина смотритъ на меня.

— Простите,—пробормоталъ я.—Я не буду смотрѣть...

— Вы не будете смотрѣть?—лукаво улыбнулась она страшнымъ оскаломъ челюстей.—Развѣ я вамъ не нравлюсь?..

— О, помилуйте! Вы мнѣ очень нравитесь... гм... Я очень люблю такихъ... худощавыхъ дамъ!

Я безсовѣстно льстилъ ей, надѣясь вывѣдать у нея многое изъ того, что знала она, и что было для меня такимъ недоступнымъ.

Она же приняла мои слова за чистую монету.

Почернѣла, потупилась и, поднявъ обѣ руки къ черепу, воскликнула:

— Ахъ, какой вы кавалеръ! Скажите, пожалуйста... У меня прическа не растрепалась?

— Нѣтъ!—совершенно искренно отвѣтил я, такъ какъ прическа ея не могла растрепаться ни при какихъ условіяхъ.

Она лукаво поглядѣла на меня пустыми глазами и я, собравшись съ духомъ, сказалъ:

— Мадамъ!

— Ахъ! что вы...— сконфузился скелетъ.—Я пока мадемуазель.

— Неужели? Простите, я не знала. Сударыня! У меня къ вамъ есть большая просьба...

Скелетъ закутался плотнѣе въ одѣяло и захихикалъ:

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Что это вы... Ни за что!

— Что—нѣтъ? Я васъ не понимаю, сударыня...

— Да, не понимаете... Всѣ вы, мужчины, не понимаете!..

— Увѣрю васъ! У меня есть къ вамъ важная просьба: расскажите мнѣ о загробной жизни!

— Вы не знаете?—улыбнулась она, кокетливо помахивая кончикомъ ноги, выставившейся изъ-подъ одѣяла.—Ахъ, это такъ интересно!.. Это страшно, безумно интересно!

— Да что вы!—обрадовался я.—Такъ вы расскажете...

— Конечно, конечно! Вы себѣ и представить не можете, что тамъ дѣлается! Только и вы должны сообщить мнѣ кое-что...

— О, сколько угодно!

Она наморщила надбровную дугу и дѣловито сказала:

— Mersi. Скажите мнѣ: что теперь носить?

Будучи увѣренъ, что ея мысли заключены въ узкій кругъ мертвецкихъ похоронныхъ интересовъ, я отвѣтилъ, покачавъ головой:

— Носить? Да все. И мальчиковъ, и стариковъ, и цвѣтушихъ женщинъ, и младенцевъ.

— Нѣтъ! я васъ спрашиваю, что въ этомъ сезонѣ носить?

— Холерныхъ больше,—подумавъ, сказалъ я.

— Нѣ-ѣ-ѣтъ! Какой вы, право, непонятливый!.. Что у васъ носить женщины? Ну, узкіе рукава въ модѣ?

— Ахъ, такъ! Да, бываютъ и узкіе,—неопредѣленно отвѣтилъ я.

— Вы не замѣтили—на груди есть складки?

— Складки? Иногда, портнихи ихъ, дѣйствительно, дѣлаютъ.

Она задумчиво покачала черепомъ.

— Гм... Такъ я и думала. А скажите... Какъ нынче юбки?

— Юбки? Черныя шьютъ, красныя, зеленыя...

— Нѣтъ, нѣтъ... А фасонъ?

— Такой, знаете... обтянутый.

— Обтянутый?! Ага! Я всегда говорила, что къ этому вернуться.

Она натянула на своихъ бедрахъ одѣяло и повернулась передо мной.

— Такъ?

— Сударыня!—робко напомнилъ я.—Вы мнѣ обѣщали о тамошнемъ кое-что поразсказать...

— Да, да... Шляпки, конечно, по-прежнему, большія?

— Большія. Сударыня, осмѣлюсь...

— Боже мой! Что вы отъ меня хотите?

— Вы обѣщали...

— Ахъ, простите! Что же вамъ разсказать?

— Все, подробно. Какъ тамъ, вообще...

— Ахъ, вы и вообразить не можете! Надо вамъ сказать, что умерло насъ трое: я, потомъ одна толстая лавочница и жена адвоката. На мнѣ было бѣлое платье съ розовой отдѣлкой, волосы зачесаны назадъ и на ногахъ...

— Сударыня!

— Что? Не перебивайте! А жена адвоката... Можете представить: она была въ черномъ шерстяномъ и въ туфляхъ безъ каблучковъ... Ха-ха! Безъ каблучковъ! Ха-ха-ха!

Она такъ расхохоталась, что закашлялась. Потомъ встала съ кресла и, прохаживаясь передъ зеркаломъ, продолжала:

— Ну, вотъ, умираемъ мы... Въ тотъ же день съ нами похоронили одного молодого чиновника... Длинный такой былъ, красивый. Съ усиками. Мнѣ разсказывали, что на похоронахъ его была молодая женщина, плакавшая надъ гробомъ, и старикъ, который...

— Сударыня!

— И старикъ, который все качалъ головой, глядя на него... Понимаете, сѣдой весь... качаетъ и качаетъ головой! А молодая дама можете представить...

— Сударыня!

— Ну, что тамъ еще?.. А потомъ говорили надъ его гробомъ рѣчи. Какой-то толстый сказалъ: „обнажимъ наши головы передъ прахомъ этого молодого человѣка“... Ужасно было трогательно.

— Сударыня!.. Я васъ просилъ о загробной жизни, а вы...

— Ахъ, о загробной жизни? Чего же вы раньше не сказали... Загробная жизнь наша состоитъ въ томъ, что...

Она остановилась передъ зеркаломъ и повернулась къ нему спиной.

— А сзади меня хорошо облегаешь?

— Хорошо! Такъ вы говорите, что загробная жизнь...

— Да!.. Она состоитъ въ томъ, чтобы... Ахъ, досада! Никакъ я не могу спины увидѣть...

Она повернула голову такъ, что затрещали позвонки.

— Загробная жизнь наша заключается въ томъ, что мы...

Она свернула черепъ чуть ли не совсѣмъ на затылокъ... Неожиданно—проволажа, скрѣплявшая позвонки, лопнула и голова съ двумя позвонками глухо упала на коверъ.

Моя собесѣдница зашаталась и рухнула, рассыпавшись грудой бѣлыхъ костей.

— Проклятая, болтливая баба!—злбно вскричалъ я, вытряхивая ее изъ одѣяла.

Потомъ долго не могъ успокоиться, шагая изъ угла въ уголь, и только подъ утро заснулъ тяжелымъ сномъ, томимый неразрѣшенной загадкой, которая почти давалась въ руки:

— Что же, наконецъ, дѣлается на томъ свѣтѣ?

Аркадій Аверченко.

МОЯ «АМЕРИКА».

Кто бы ни доказывалъ, трудно стать увѣреннымъ, Будто обитаемъ мы въ поясѣ умѣренномъ.

По моимъ понятіямъ, климатъ нашъ тропическій: Здѣсь на чревѣ ползаетъ Меньшиковъ эпическій,

Гады пресмыкаются въ страшномъ изобиліи, Съ утра и до вечера зло шуршатъ рептиліи, Вся страна запугана змѣями очковыми— Марковыми злючими, хитрыми Гучковыми,

И изъ каждой трещины, смотришь, лѣзетъ гадина— Смотришь Гурляндъ съ Гурьевымъ, или грекъ Синадино. Всюду встрѣтишь ящера, либо аллигатора: Алчнаго чиновника, шипика-провокатора.

Птицы здѣсь задорныя, съ яркимъ опереніемъ, Нападаютъ бѣшено, ранятъ съ озвѣреніемъ. Становясь все лютѣе, дѣлаясь все ярѣе, Бродятъ здѣсь жестокіе мамонты аграріи,

Жратвы совершаются что ни день обильныя: Слабаго, безправнаго пожираютъ сильныя... Словомъ, я открытіе сдѣлалъ гениальное: Наше положеніе экваторіальное!!

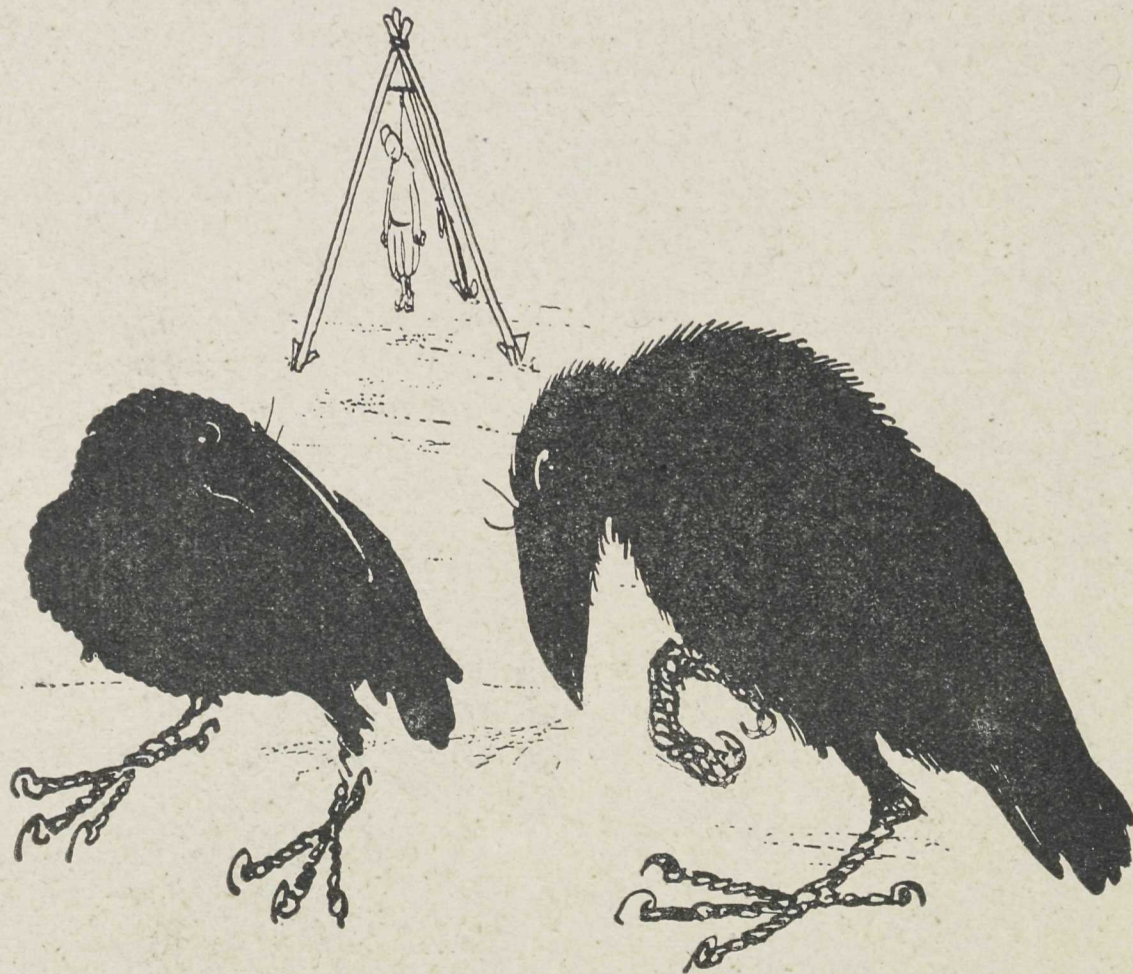
Жанъ Сансуси.

СТРАННЫЙ РЕЗУЛЬТАТЪ.

— Читали „Яму“ Куприна?

— Да, читалъ. Любопытно, знаете ли... Нужно будетъ когда-нибудь съѣздить!

Рис. А. Яковлева.

СУЩЕСТВЕННАЯ РАЗНИЦА.

1-й воронъ. — Объясни мнѣ—въ чемъ же разница, если вѣшали при султанѣ,—вѣшаютъ и при младотуркахъ?!

2-й воронъ. — А я замѣтилъ эту разницу въ режимѣ: младотурки вѣшаютъ немного выше; и не на шелковыхъ, а на пеньковыхъ веревкахъ, что называется у нихъ демократическимъ образомъ правленія.

ВЪ ЛЪСУ.

(Посвящается чернымъ).

Въ часъ зари, когда дубрава
Моремъ кажется румянымъ,
Хищникъ ночи, слычъ лукавый
Не летаетъ по полянамъ.

Онъ сидитъ въ дуплѣ и сонно
Головой во тьмѣ киваетъ
И улыбку небосклона
Ненавидитъ, проклинаетъ.

Утро, солнце, день влюбленный,
Птичекъ радостные хоры—
Для него въ норѣ зеленой
Непорядки и раздоры.

Для чего не тишь глухая,
Для чего не мракъ полночи?—
Онъ твердилъ въ дуплѣ, вздыхая,
И смыкаетъ слѣпо очи...

Для чего?—иль небылица
Стала былью, правда—ложью?!
И клянеть слѣпая птица
И весну, и правду Божью.

Шпадъ.

ГЛУБОКОМЫСЛІЕ.

- Г. докторъ! Помогите, у меня ракъ въ горлѣ!
— То-есть, вы хотите сказать, горловой ракъ? О,
это очень опасная болѣзнь...
— Да нѣтъ же, чортъ возьми, просто ракъ! Пять
минуть тому назадъ я имъ подавился.

ОТЪ КОПЪЕЧНОЙ СВЪЧИ МОСКВА СГОРѢЛА.

— Что это вы объявили подписку на новую газету
„Прогрессъ“? Противъ реакціи хотите бороться?

— Нѣтъ, знаете... Собственно говоря, я купилъ
среди разнаго хлама у старьевщика вывѣску какой-то
прачешной съ надписью „Прогрессъ“. Думаю, зачѣмъ
ей пропадать. Повѣсилъ вывѣску, напечаталъ объявленія
и теперь собираю подписку...

ВЪ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛѢ.

- Просклоняй *толмачъ* во множественномъ числѣ!
— Именительный: *толмачи*... Родительный: *тол-*
мачовъ...
— Дуракъ!

и-а-о.

СЛАВЯНОФИЛЪ.

- Обратите ваше вниманіе: и по русски дважды два—
четыре и по нѣмецки—дважды два—четыре...
— Ну?
— А по русски, все-таки, какъ-то бойчѣ выходитъ!

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНАЯ ТОЧНОСТЬ.

- Какъ называются Меншиковскіе воскресные
фельетоны?
— Кажется, „Письма къ недалекимъ“.

ЭПИДЕМІЯ.

- Позвольте на гривенникъ укусовой эссенціи!
— Вамъ распивочно или на выносъ?

Рис. А. Яковлева.

КЛЯТВА, НИ КЪ ЧЕМУ НЕ ОБЯЗЫВАЮЩАЯ.

Жена. — Выходи же, выходи мой милый, изъ подъ кровати!.. Клянусь, что ни одинъ волосъ не спадетъ съ
твоей головы!

СОНЪ ДУБРОВИНА.

Рис. Ре-ми.

Александръ Ивановичъ и не замѣтилъ, какъ очутился за письменнымъ столомъ.

На секунду появилось смутное воспоминаніе о томъ, какъ онъ раздѣлся и легъ въ постель, но тотчасъ же куда-то исчезло.

Чуть-чуть пріотворилась дверь кабинета и въ образовавшуюся узкую щель просунулась включенная копна волосъ, затѣмъ показалось изможденное изсѣро-желто-зеленое лицо тшедушнаго еврея; за лицомъ потянулись узкія плечи...

Тонкая-тонкая рука съ длинными пальцами закрыла за собой дверь.

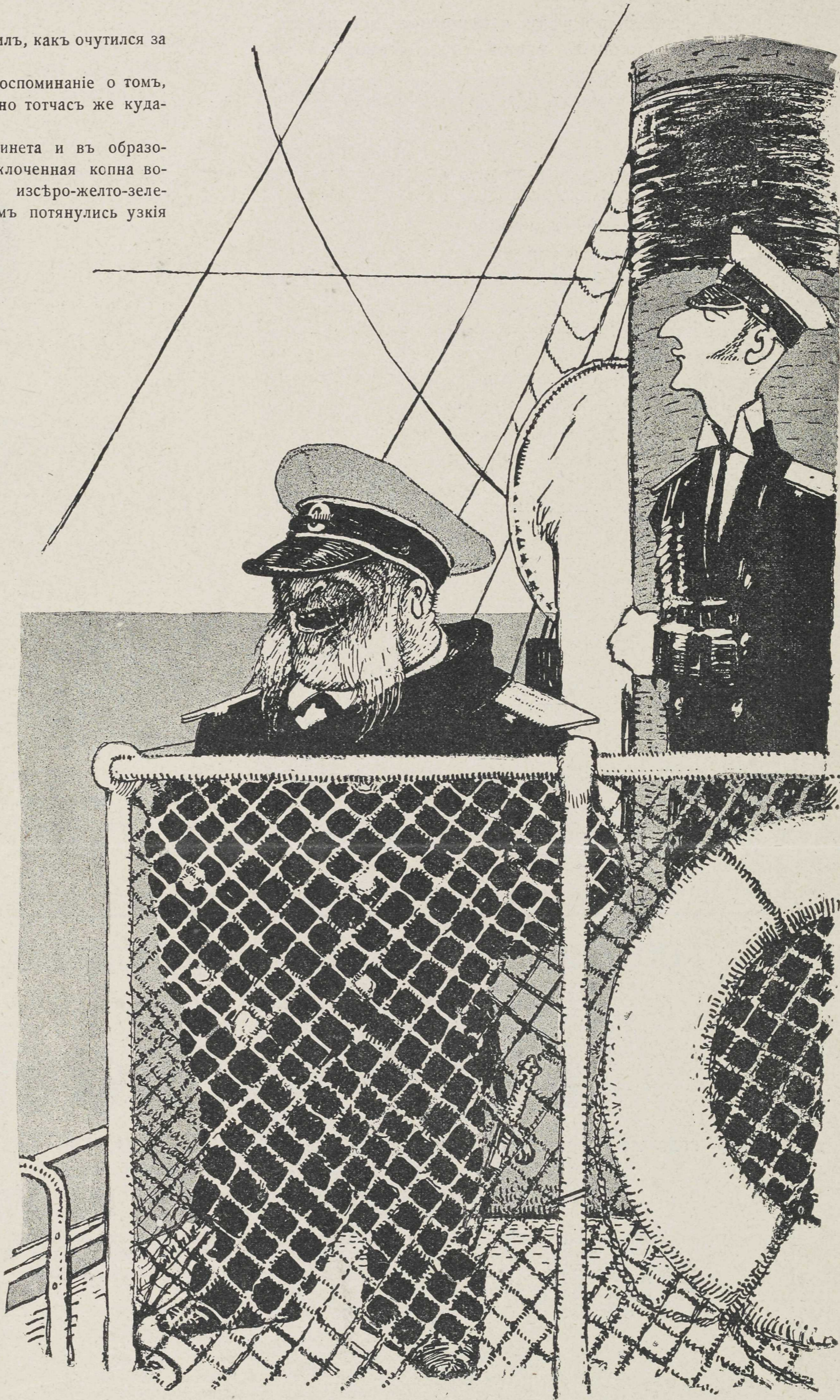
— Господинъ докторъ,—услышалъ Александръ Ивановичъ тихій, вибрирующий голосъ,—дозвольте вамъ задавать вопросъ: и къ чему вамъ это надо было? къ чему вамъ нужно было такое, можно сказать, партикулярное убійство господина Герценштейна, когда вы столько погромовъ дѣлали?.. Это, конечно, не значитъ, что я одобряю погромы! Къ чему погромы?! Въдъ вы, господинъ докторъ, по закону, человекъ съ медицинскимъ образованіемъ и прекрасно понимаете, что каждому еврею нужна его жизнь, и что у каждаго еврея столько крови въ жилахъ, сколько ему нужно, и даже есть много малокровныхъ... Господинъ докторъ, я очень удивляюсь, что врачебное управленіе вамъ не запрещаетъ практиковать... Кстати, я хотѣлъ васъ спросить: правда, что финляндскій судъ будетъ исправлять ошибку врачебнаго управленія?.. Ай, это даже удивительно! Что-то особенное!! За подстрекательство къ убійству сотенъ тысячъ человекъ—ничего! за подстрекательство къ убійству одного человека—пожалуйте на скамеечку, на эту „красивую“ скамеечку, по бокамъ которой солдатки!.. А! ну-ну!! Какъ Богъ ведетъ—такъ лучше!!! Значитъ, такъ и нужно, чтобы эта смерть, смерть Герценштейна, была послѣдней каплей Божьяго терпѣнія...

— Пошелъ къ Вельзевулу!—хотѣлъ крикнуть Дубровинъ, но вмѣсто этого промывчалъ что-то нечленораздѣльное.

— А! не хотѣлъ бы я быть на мѣстѣ господина министра юстиціи, г. Щегловитова, или на мѣстѣ какого-нибудь русскаго прокурора. Подумайте, господинъ докторъ, имъ какъ теперь обидно, что не имъ приходится карать за преступленіе, а какому-то финляндскому прокурору! А?! Слово въ Россіи нѣтъ нелицеприятныхъ судей, нѣтъ справедливаго суда, нѣтъ достаточно статей въ уголовномъ законѣ? Какъ вамъ это нравится? я васъ спрашиваю: какъ вамъ это нравится?

— Зззз...—заскрипѣлъ зубами Дубровинъ.

— Вы хотите сказать, господинъ докторъ, что вамъ неприятна вся эта исторія? О, я васъ понимаю! Но пусть вамъ будетъ утѣшеніемъ, что подобныя исторіи бывають! Докторъ Корабевичъ—тоже докторъ. И дѣлалъ онъ маленькіе погромчики, хотя и не еврейскіе, хотя и очень мѣстнаго характера, но гдѣ все-таки шель вопросъ о чело-вѣческихъ жизняхъ... дѣлалъ, дѣлалъ и попался! Вамъ, можетъ быть, теперь неловко ѣхать на полтавскія торжества? Э, пустое! Что значить, неловко? и почему—неловко? Дубровинъ, какъ былъ Дубровинъ, такъ и остался. Будете вы на торжествахъ, имѣя при себѣ повѣстку или безъ нея, не все ли равно? И, по моему, то-есть, не такъ по моему, какъ по вашему, вамъ гораздо лучше быть на этихъ торжествахъ, нежели не быть. И вотъ почему: васъ вызвали въ судъ на тотъ день, въ который начинаются полтавскія торжества. Ясно, если вы будете присутствовать на торжествахъ, это будетъ ваше торжество, если вы будете отсутствовать, это уже будетъ торжество суда,

ПОНЯТНЫЙ ЯЗЫКЪ.

Капитанъ — (кричитъ подходящему угольному судну). — Эй, угольщикъ! Parlez vous français? (Молчаніе). Do you speak english? («Угольщикъ» молчитъ) Sprechen Sie deutsch? («Угольщикъ» молчитъ). Parlato italiano?

Голосъ изъ „угольщика“. — Si, signore!

Капитанъ. — Si? Такъ отдай же тогда концы, черти тебя раздери!

торжество финляндскаго суда! Вы меня понимаете?.. Наконецъ, согласитесь, что ваше мѣсто тамъ, гдѣ празднуется побѣда надъ инородцами, а не тамъ, гдѣ празднуется побѣда инородцевъ надъ вами...

Дубровинъ схватилъ револьверъ, выстрѣлилъ по направленію къ двери и—проснулся.

На груди его лежали оппозиціонныя газеты, съ заглавныхъ листовъ которыхъ гладѣли жирныя строки:

„Привлеченіе Дубровина по дѣлу объ убійствѣ Герценштейна“.

И. Гуревичъ.

ИЗВОЗЧИКЪ.

Рис. Юнгера.

Господинъ ѣдетъ по дѣлу, а извозчику все равно.
— По грязи трещимъ третій годъ,—говорятъ Колеса,—починили бы хоты!
— Наплевать, — думаетъ Извозчикья Спина, — доѣдемъ.

Господинъ давно опоздалъ и уже нацѣлился было кулакомъ въ Извозчикью Спину ткнуть, какъ крикнули Колеса, рассыпались и лошадь встала.

Господинъ выскочилъ, конечно, въ лужу.

— Извозчикъ! Что съ тобой?

На козлахъ, покачивушись направо, сидитъ Спина въ кафтанѣ, изъ нея двѣ руки къ возжамъ, а вмѣсто лица старая рукавица съ однимъ большимъ пальцемъ, вмѣсто носа.

Посмотрѣлъ на такого извозчика господинъ, ахнулъ и такъ съ разинутымъ ртомъ, глаза бѣлые, пошелъ, натываясь на прохожихъ.

И шелъ, и покачивался, пока не переѣхалъ его трамвай.

Гр. А. Н. Толстой.

ВЪ УВЕСЕЛИТЕЛЬНОМЪ САДУ.

— Я вчера ужиналъ съ этой испанкой Кармень.

— Это что, братъ! А я сегодня на острова поѣду съ нѣмкой Аидой.

Пьяный (вмѣшиваясь въ разговоръ). — Пподу...маешь! Расхвастались!.. Кармень! Аида! А я захочу—Руслана и Людмилу ...на...содержаніе возьму.

Итальянки, какъ извѣстно, страшно не любятъ воды и мыла.

Передъ выходомъ на сцену, итальянская пѣвица, критически осматривая свою подругу, говоритъ ей:

— А знаешь, ты еще болѣе грязна, чѣмъ я.

— Что же тутъ удивительнаго... я же старше!

Хозяинъ. — Ты что тутъ дѣлаешь?!!

Воръ. — Видите ли—мнѣ кое что нужно будетъ сегодня сдѣлать. Такъ я, чтобы не забыть—хочу завязать узелокъ на память.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

САТИРЫ И ЮМОРА

САТИРИКОН'

Всѣ годовые подписчики получаютъ, въ видѣ БЕЗПЛАТНОЙ ПРЕМІИ, роскошно изданные юмористическіе рассказы

ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА и А. И. КУПРИНА,

съ иллюстраціями извѣстнѣйшихъ русскихъ художниковъ-карикатуристовъ. Изданіе это, являясь единственнымъ въ русской юмористической литературѣ, въ отдѣльную продажу не поступитъ.

„САТИРИКОНЪ“
„САТИРИКОНЪ“
„САТИРИКОНЪ“

издается по образцу лучшихъ нѣмецкихъ и англійскихъ сатирическихъ журналовъ.

печатается въ нѣсколькихъ краскахъ.

превосходятъ размѣромъ всѣ существующіе журналы этого типа—12—16 стр. больш. журн. формата in folio 37x26 сант.

СОСТАВЪ СОТРУДНИКОВЪ.

ХУДОЖНИКИ: Б. Анисфельдъ, Л. Бакстъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Н. Герардовъ, Олафъ Гульбрансонъ (Мюнхенъ), М. Добужинскій, Б. Кустодіевъ, Е. Лансере, Дм. Митрохинъ, В. Невскій, А. П. Остроумова-Лебедева, А. Радаковъ, Н. Ремизовъ (Ре-ми), О. Шарлемань, А. Юнгертъ (Баянъ), А. Яковлевъ и другіе.

ПИСАТЕЛИ: Леонидъ Андреевъ, А. Аверченко (Аве), В. Азовъ, К. Антиповъ (Зарницинъ), Александръ Блокъ, И. М. Василевскій (не-Буква), Л. М. Василевскій, Б. Вилли, Яковъ Годинъ, Сергій Горный, Сергій Городецкій (Сатиръ), И. Гуревичъ, Осипъ Дымовъ, А. Измайловъ, В. Князевъ, Красный, М. Кузминъ, А. Кугель (Ното Novus), А. И. Купринъ, В. Лихачевъ, С. Маршакъ, Миссъ, О. Л. Д'Орть, Потемкинъ, А. Радаковъ, Саша Черный (А. Гликбергъ), Алексій Ремизовъ, Александръ Рославлевъ, Скиталецъ (Яковлевъ), В. Сладкопѣвцевъ, графъ Алексій Толстой, Тэффи, Н. Шебуевъ, В. В. Умановъ-Каплуновскій, Н. И. Фалѣевъ (Чужь-Чуженинъ), А. Яблоновскій и другіе.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

На годъ **6 руб.**, на полгода **3 руб.**, на 3 мѣс. **1 руб. 50 коп.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Главной Конторѣ „САТИРИКОНА“ (С.-Петербургъ, Невскій просп., 9) и во всѣхъ бо́льшихъ книжныхъ магазинахъ въ Петербургѣ и провинціи.

Цѣна отдѣльнаго № 10 коп. Въ Москвѣ и провинціи 12 коп.

Адресъ Главной Конторы и Редакціи: С.-Петербургъ, Невскій просп., 9.

Отдѣленія для розничной продажи въ провинціи:

МОСКВА.—М. А. Кутузовъ, Б. Бронная, д. Живаго. ОДЕССА.—Б. А. Бороховъ, Софійевская, 32. КИЕВЪ.—Я. П. Лапицкій. ВАРШАВА.—Контрагентство Е. А. Морозова и Е. Горскова. ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ.—А. Шиндель, Проспектъ, д. Ильева. ХАРЬКОВЪ.—И. М. Швагинъ, Московская, 2. САРАТОВЪ.—П. О. Панинъ. ИРКУТСКЪ.—Т. Д. Хохаевъ. ТОМСКЪ.—Т-во Новое Дѣло. ЮКАНДЪ.—Ферганск. обл. М. А. Сидоровъ. РИГА.—К. И. Бирзгалъ. ВЛАДИВОСТОКЪ.—Агентство «Польза» и С. К. Тураевъ. ЮРЬЕВЪ.—Кн. магаз. Ф. Д. Любликъ. БЛАГОВѢЩЕНСКЪ.—Н. Р. Смертинъ. ЕКАТЕРИНОДАРЪ.—Кн. магаз. «Новости Печати». ПОЛОННОЕ.—Л. Л. Розенштейнъ.

Цѣна объявленій: 40 коп. за строку непарели въ 1/4 страницы.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель М. Г. Корнфельдъ.

НОВЫЕ ПРИЕМЫ ФРАНЦУЗСКОЙ БОРЬБЫ, РЕКОМЕНДУЕМЫЕ «САТИРИКОНОМ».

Ввиду того исключительного интереса, который вызывает в настоящее время борьба „Сатириконъ“, откликающийся обычно на все то, что волнует в данный момент общество, предлагает новые, им самим придуманные, приемы французской борьбы, отличающиеся оригинальной свѣжестью, бесспорной радикальностью и доступностью для всякаго, даже слабѣйшаго, борца.

Многіе спеціалісты совѣтують передъ борьбой не ѣсть ничего тяжелого и, кромѣ того, немного потренироваться легкимъ вѣсомъ или продѣлать нѣсколько приемовъ французской борьбы съ помощникомъ.

Вмѣсто этого, мы предлагаемъ всѣмъ доступный, бесспорный способъ побѣдить противника: передъ выходомъ на арену подослать знакомаго мальчишку къ противнику съ письмомъ, сообщающимъ, что богатая тетка противника лежитъ в гостиницѣ при смерти и желаетъ, чтобы племянникъ принялъ ея послѣдній вздохъ. Противникъ, какъ былъ, в борцовскомъ трико, полетитъ къ теткѣ, а его корыстолюбіе будетъ наказано тѣмъ, что подославшій, выйдя къ публикѣ, сообщитъ:

— Господа! Мой противникъ испугался меня и передъ борьбой удралъ.

Конечно, жюри запишетъ ему это, какъ поражение.

Многіе сотрудники „Сатирикона“ высказались также за слѣдующій простой и легкій способъ уложить противника на обѣ лопатки: нужно передъ борьбой условиться съ двумя капельдинерами, чтобы они в критическій моментъ, когда вы уже прикасаетесь однимъ плечомъ къ землѣ, выбѣжали бы изъ-за кулисы и, схвативъ вашего противника за ноги и за руки, держали его до тѣхъ поръ, пока вы, какимъ-нибудь силовымъ приемомъ, не припечатаете его къ коврау.

Усиленно можно рекомендовать также слѣдующій силовой приемъ, доступный самому слабому борцу: послѣ того, какъ противникъ схватитъ васъ за руку, вырваться у него и начать кричать, что онъ укралъ съ вашего пальца дорогое кольцо, стоящее тысячу рублей. Противникъ вашъ будетъ такъ сконфуженъ скандаломъ и слѣдующимъ за нимъ протоколомъ, что ему будетъ уже не до борьбы...

Нѣкоторые сотрудники, не искушенные в борьбѣ, предлагали оригинальный и не лишенный творческаго замысла приемъ: выйдя на арену, вынуть потихоньку изъ кармана револьверъ и потихоньку (?) выстрѣлить в голову противника, что разъ навсегда уложитъ его на обѣ лопатки.

Правда, по незнакомству съ предметомъ, сотрудники эти смѣшали, вѣроятно, борьбу—съ тиромъ, гдѣ стрѣляютъ в цѣль, упустивши изъ виду также то, что в трико кармановъ не бываетъ, и что выстрѣлить, даже при большомъ навыкѣ, *потихоньку* нельзя...

Но, в общемъ, какъ приемъ радикальный, онъ долженъ улыбаться многимъ начинающимъ борцамъ, которымъ мы эти строки съ уваженіемъ и безмятежной симпатіей и посвящаемъ.

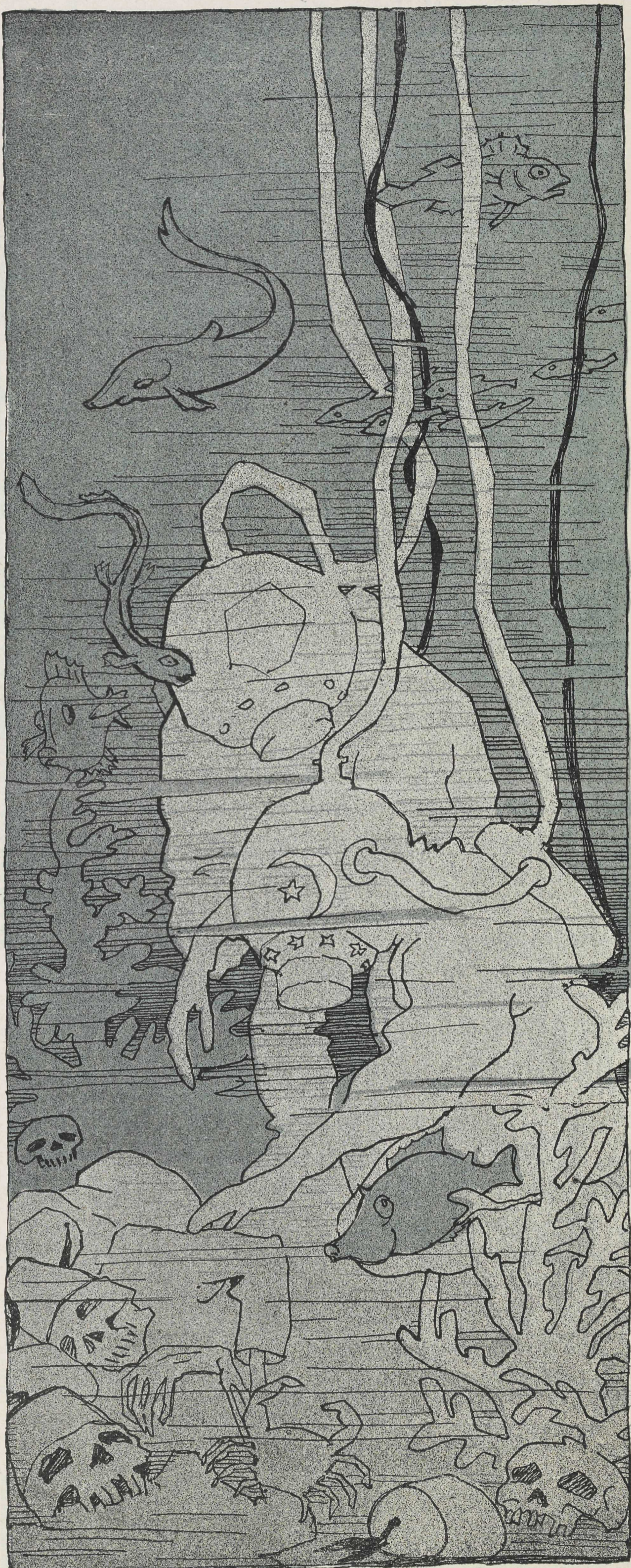
„Сат.“

ВЪ ТЮРЬМѢ.

— Слыхалъ? Интенданты товарищескій судъ учреждаютъ.

— Да, братъ... хорошо бы и намъ убійцамъ, вмѣсто уголовного, товарищескій судъ учредить. Куда спокойнѣе!

Водолазы, спускавшіеся на дно Босфора, вылезали блѣдые, дрожащіе отъ страха, а одинъ даже помѣшался: все дно Босфора, покрытое скелетами, представляетъ сплошное кладбище...
(Изъ газетъ).

СМОТРЪ.

Абдуль-Гамидъ. — Хе-хе!.. Если бы я могъ ихъ снова оживить—съ такой массой можно было бы основать новое государство.

АНАТОЛІЙ ПАВЛОВИЧЪ КАМЕНСКІЙ.

— Сегодня въ два съ половиной часа мнѣ нужно будетъ соблазнить одну вдову, въ три — имѣть свиданіе съ прехорошенькой модисткой, въ четыре пробраться въ институтъ благородныхъ дѣвицъ, въ шесть наставить рога одному попу, а въ четверть восьмого — увести отъ мужа нѣкую штучку... Глядишь — и день прошелъ!